

достроительной реконструкции 20-30-х годов в Украине // Коммунальное хозяйство городов: Науч.-техн. сб. Вып. 36. – К.: Техніка, 2002. – С.83-88.

Получено 03.10.2005

УДК 711 : 378

Г.И.ФИЛЬВАРОВ, д-р архит.

Институт Урбанистики, г.Киев

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И ЭКОЛОГИЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Раскрывается понятие экологии городской культуры как категории, включающей в себя вопросы взаимодействия материально-градостроительной деятельности и духовные критерии обеспечения психологического комфорта для населения города.

Пожалуй, ни одно терминологическое новшество XIX в. не получило столь широкого распространения в XX в., как “экология”. Выйдя за первичные рамки понятия о разумном ведении хозяйства (в истоке – личного), оно приобрело множество смыслов, хотя в конце XX в. преимущественно стало отождествляться с требованием охранительного отношения к окружающей природной среде (environment), выступив предметом новой и достаточно размытой в объектно-предметном смысле, но претендующей на некую всеобщность, науки – экологии.

К сожалению, в рамках этой науки экологи рассматривают все, что составляет внешнюю по отношению к человеку среду, но не градо-строительную, и тем более не занимаются человеком в ней.

Человек, обеспечение достойных условий жизни которого есть конечная общественная цель, в этой науке просматривается в опосредованном через environment отношении к природоохранной деятельности и ее результатам, выступая, как субъект хозяйствования, к которому общество предъявляет определенные экологические императивы, в первую очередь, в области ресурсопользования в самом широком смысле этого слова. В этом, на наш взгляд, заключается основной порок современной экологической науки.

Утверждение небесспорное, но сознательно провоцирующее на перенесении экологических акцентов с природных объектов на субъект-реципиент, т.е. на жителя города.

Подобное было сделано академиком Д.Лихачевым, который в расширение сложившегося термина “экология”, а может и в противовес ему, ввел понятие “экология культуры”, смысл которого заключается в разумном использовании и сохранение духовного и ценного материального наследия культуры человеческих сообществ как условие создания эмоционально и интеллектуально богатой среды для непрерывного развития личности в многокрасочном мире. В контексте

этого, мы и рассматриваем такую категорию как *экология городской среды* или *социально-культурная экология города*, представляющая собой новую систему взглядов на роль и место города в национальной культурно-исторической среде и сумму соответствующих целенаправленных действий.

Среди множества определений города, принадлежащих авторам различных эпох от Платона до Маркса и далее до Корбюзье и Кензо Танге, как правило, весьма пространных в результате стремления заключить в одну формулу все многочисленные сущности этого феномена, наиболее продуктивным представляется (пусть внешне и формальное, в духе современных тенденций максимального “сворачивания” терминов и кодирования сущностей) определение города, как сложной экосоциотехнической системы.

Разворачивание термина “социо”, его полная раскодировка достаточно сложна и не входит в задачи этой статьи. Но вполне допустима и важна, на наш взгляд, попытка раскрыть смысл “эко” применительно к некоторым новым реалиям в методологии современной градостроительной науки, не претендуя на все множество трактовок его содержания и смысла.

Введенное в последние годы в научный аппарат градостроительства понятие “урбоэкология” предметом одноименной дисциплины сделало исследования характера и параметров взаимоотношений окружающей природной среды и города с точки зрения обеспечения определенного равновесия между ними. Подобно тому, как в “урбоэкологии” существует понятие экологического каркаса территории, в экологии городской культуры должны быть выделены доминанты, образующие своего рода каркас, структуру этого понятия. Отталкиваясь от идей, выраженных еще в 1970 г. А.Тоффлером в книге “Футурошок”, мы определяем положение человека в мире следующими координатами:

- связь человека с другими людьми;
- отношение к обществу, как носителю социальных, экономических и нравственных императивов, к укладу общества в целом;
- отношение к материально-вещественному миру;
- положение человека в организационной (социальной) структуре;
- отношение к знаниям и идеям, которыми обладает общество;
- отношение к природной среде.

Перечисленные виды релятивности образуют основу социального бытия, а их качественные и даже количественные параметры определяют сущностную модель экологии городской культуры, адекватность поведения человека в городской среде.

Нас сейчас интересует, в первую очередь, несомненный и весьма существенный в методологическом отношении факт смещения акцента в градостроительных исследованиях с задач функционально-структурного моделирования города (как привычной, более или менее стабильной и нормативно-фиксированной данности, реальной или виртуальной) на более подвижную, многоликую, изменяющую свою социопсихологическую окраску, категорию. А именно – отношение населения к городу как к исторической среде жизнеобитания, а значит, и к тем моделям ее организации, которые предлагала до недавнего времени градостроительная наука.

Собственно, этим и определяется сущность вводимого нами термина “экология городской культуры”. Она проявляется в двух формах.

Во-первых, как отношение жителей города к тем или иным процессам или явлениям городской жизни в форме субъективной ситуативной реакции (оценки). Во-вторых, как отношение, имеющее устойчивый характер, определяемый внешними мотиваторами.

Как правило, ситуативная реакция имеет ярко выраженный характер, активную форму. Она ориентирована на актуальную среду жизнедеятельности горожанина и менее всего опирается на научные или нормативные характеристики.

Второй вид отношений чаще всего менее экспансивный в силу своей определенной отстраненности от бытового восприятия, энергично проявляемого населением в той или иной конкретной ситуации, и формируется проектировщиками или администрацией города на нормативной основе. Этот вид отношений может оцениваться как объективный, хотя и он не свободен от воздействия тех или иных общественных групп или отдельных влиятельных личностей.

В первом случае мы имеем дело с проблемами социологии и социальной психологии. Во втором случае – с предметом градостроительной политики, имеющим мощную идеологическую окраску.

Бытовавшие совсем недавно в теории градостроительства и вызывавшие острые дискуссии противопоставление города – негороду, выраженное в концепции урбанизма и дезурбанизма, сейчас для западных стран в значительной степени утратило свой смысл. Здесь удалось, как правило, “ликвидировать различие между городом и деревней”, поскольку современные технические новшества в быту, транспорте, телекоммуникации стирают различия в образе жизни, возможностях общения, формах труда.

Каждая точка этого мира, где расположен хотя бы самый малый населенный пункт, и даже отдельная усадьба – это уже город. Пока сохраняется лишь одно различие, которое пытается преодолеть градо-

строитель – это степень приближенности человека к природе. Важно, что все более расширяющиеся возможности создания второго жилья делают существование и поведение человека относительно выше приведенной системы координат, амбивалентным. Он живет одновременно в двух средах – природной и урбанизированной. Разумное сопряжение двух этих сред в некоторую целостность, именуемую на региональном уровне системой расселения или системой населенных мест, а на городском уровне – средовым зонированием городского плана, является частью формирования концепции экологии городской культуры.

Задачи экологии городской культуры достаточно широки, поскольку, по существу своему, ее предметное пространство – это арена общественных отношений в целом, где каждый раз необходимо находить разумные формы взаимодействия человека, общества, природной и антропогенной сред, компромисс между извечным противоречием материи и духа.

Это взаимодействие проходит последовательно различные этапы от племенных или родовых до имперских. На каждом из них вырабатываются свои формы отношения к среде обитания и своя, осознаваемая или неосознаваемая, экологическая парадигма. Здесь попутно надо отметить, что каждая парадигма получала отражение как в формах хозяйствования и использования природы для жизнеобеспечения человеческих сообществ, так и в системе охраны природы и ее компонентов в виде персонификации последних в мифологическом отображении.

Общество и человек двойственны. Человеку необходимо осознание прошлого и продолжение прошлого в сегодняшнем, как свидетельство стабильности, подтверждение историзма своего существования и, даже шире – подтверждение национально-исторической правомерности своего существования и самоидентификации, если использовать модные ныне определения.

Но обществу и человеку также нужно предощущение будущего и наглядные свидетельства непрерывности и продолжения своего бытия. Каждый раз, закрепляя прошедшее в настоящем, превращая пришедшее будущее в сегодняшнее, а затем, преобразуя его в прошлое, человеческое сообщество слагает мифы, формирует традиции и каноны, вырабатывает устойчивые апелляции к кумирам.

Архитектура и градостроительство являются если не единственными, то мощнейшими инструментами реализации этих потребностей, свидетельством подчинения человеком пространства, закрепляя свое присутствие в нем, в каждом его новоосвоенном фрагменте, городами,

зданиями, сооружениями. Они являются также инструментом покорения времени своей незыблемостью (пусть и кажущейся), их гармонией и совершенством, поскольку последние понимаются как категории божественные, вечные и неизменные.

Именно эта, материализующая духовную устремленность человека, создает связь времен и культур – мосты от прошлого к настоящему, от настоящего к будущему.

Достижение этих целей поднимается над чисто прагматическим слоем человеческих устремлений (экономических или просто амбициозных), становясь символом реализации потенциального бытия, приобретает особое ценностное и аксиологическое значение, метафизический и, если хотите, мистический смысл.

Переходя к конкретным задачам развития современного крупного города как носителя конкретной национальной культуры и цивилизационных признаков общества вообще, есть основание говорить о двух парадигмах.

Первая. Самоутверждение и самоидентификация личности и общества через прошлое и, таким образом, вольное или невольное вытеснение сегодняшнего и подмена будущего бывшим путем его идеализации, во всяком случае, хотя бы на время того поколения, которое исповедует эту парадигму.

Вторая. Включение прошлого в постоянно развивающуюся и обогащающуюся систему социальных и духовных ценностей, как опоры для движения в будущее и для созидания будущего сегодня.

В первом случае нужны минимальные творческие и гражданственные усилия и максимальная мифологизация прошлого, даже с выходом за пределы исторической правды, и с неизбежной фальсификацией архитектурно-художественных артефактов.

Свидетельством этому является активное неприятие архитектурных проектов и градостроительных предложений, не вписывающихся в идеологические и историко-культурные мифологемы.

70-80 лет тому назад прошлое рассматривалось как груз, мешающий движению к “новому миру”. Начало этому было положено массовым оттоком населения после революции из сельской местности и малых городов в крупные промышленные и культурные центры. Он оказал деформирующее воздействие на их традиционную, социальную, экономическую, демографическую и, как следствие, градостроительную структуру. Стекающееся в города сельское население, исторически неподготовленное к условиям городского образа жизни, содержало в себе определенное неприятие сложившейся системы городских культурно-эстетических ценностей. Негативное и зачастую агрессивное

поведение огромного люмпенизированного слоя нового городского населения, провоцируемого идеологическими установками правящих структур тех лет, привело к разрушению сложившейся этической системы городской жизни, пренебрежению к духовным и материальным традициям. Унитарность мышления при повсеместной унификации строительного производства и архитектурных объектов, привели, при их внедрении в историческую ткань города, к утрате веками складывающегося своеобразия городской среды. В свою очередь, нивелировалось сознание горожанина, приспособляемого к примитивному типу социального поведения и общественного бытия в целом, ориентировавшегося на воспроизводство адекватного системе типа личности.

Сейчас правительственно поощряемая многогранная реабилитация прошлого и восстановление достаточно произвольно определенных как памятники культуры и архитектуры зданий дают основание рассматривать попытки поиска новых образов города постиндустриального и постпериода, как тормоз для восстановления “идеального” порядка и гармонии прошлого. Этим создается база для “консервирования” общественного сознания, а не для его ориентации на будущее Украины, ибо ни один вид искусства не обладает столь мощным и повседневым воздействием на формирование сознания и социокультурной этики горожанина, как архитектура зданий и сооружений и образ города в целом.

Соглашаясь с необходимостью контекстуализации архитектуры сегодняшнего дня относительно исторического наследия города, необходимо все же признать, что стилизаторство обладает весьма ограниченным потенциалом духовного развития. Очевидно, оно необходимо только в тех случаях, когда речь идет о восстановлении утраченных зданий, но, отнюдь, не для того, чтобы продолжить традицию «прежней» архитектуры в будущее. Это грозит замыканием градостроительного времени и, безусловно, утратой мастерства.

Городская культура не может не развиваться в новых адекватных эпохе формах. По-видимому, следует согласиться, что ориентироваться на революционные сдвиги в этом направлении было бы теоретически неоправданно, а в практическом смысле – рискованно. Нужно скорее рассчитывать на эволюционный путь преобразований в самоорганизации и выработке новых общественно-политических концепций и, конечно же, в выработке новых парадигм градостроительства и архитектуры на мировоззренческом уровне.

Получено 14.10.2005